

обусловил, как отмечает Н.В. Козлова, «исключительный в городской политике абсолютизма факт предоставления исконно российскому городу привилегии и использование для этой цели проекта, предназначавшегося для крупнейшего портового города страны», С.-Петербурга¹.

Представляет интерес проводимая географом В.Л. Каганским параллель между становлением С.-Петербурга и Оренбурга, подчеркивающая искусственный «волевой» характер обоих городов: «Оренбург — следствие Санкт-Петербурга, реализация архетипа Петербурга, но совсем в ином месте. Оренбург — двойник Петербурга и его позиционный антоним. Эти города не возникали постепенно, а родились по умыслу — были основаны указом. Место наделили миссией, миссия вырастала в функцию; функция стала городом, центром, губернией...»².

Существенную роль в системе местной администрации на Урале в условиях фронтальной модернизации играло регионально-экономическое управление³, сложившаяся, наряду с общегражданской, в XVIII веке специфическая территориально-экономическая система управления. Государство с начала XVIII века осуществляло специальную политику в сфере металлургической промышленности Урала, имея в виду ее стратегический характер. Изначально формировалась система центрального (на уровне первоначально коллегиальных центральных учреждений типа Берг-коллегии, а затем министерств и их департаментов) и регионального местного (на уровне руководства всей уральской горной промышленностью) управления металлургическими предприятиями Урала. Государство располагало на Урале собственными предприятиями, со временем объединенными в несколько окружных хозяйств, регулировало частную промышленность посредством установления нормативов оплаты труда казенных рабочих, изменения их социально-правового и экономического статуса, внедрения технологических и организационных нововведений, а также путем создания системы натурального кредитования на определенных условиях заводоладельцев преимущественно недворянских сословий (так называемые «посессионные» заводы)⁴. Именно региональная система управления горнозаводской промышленности выступила в качестве одного из важнейших факторов регионообразования: в XVIII столетии выделяется Уральский горнопромышленный регион (окончательно приобретший самостоятельный административно-территориальный облик во второй половине XIX века)⁵.

Итак, к числу особенностей Урала на протяжении XVIII — XIX вв. можно отнести подвижность населения, повышенную роль миграции в создании демографических основ региона, продолжавшееся освоение в разнообразных проявлениях, особую роль военного элемента. Включение еще недостаточно освоенного региона в модернизационные процессы способствовало усилению его гетерогенности в социальном, экономическом, культурном отношениях, причудливому переплетению традиции и новации в различных сферах. В этих условиях существенно возрастало значение административно-политического фактора, который играл порой решающую роль в освоении и развитии региона. Есть основания полагать, что особенности административно-политического аппарата, сложившегося в контексте фронтальной модернизации, придали своеобразие «кризису власти»⁵, возникшему в позднеимперский период.

Д.А. РЕДИН
г. Екатеринбург (Россия)

Кормленная практика в России: элемент традиционной политической культуры или проявление коррупции?

Использование служебного положения в целях незаконного личного обогащения; подкуп, продажность должностных лиц; наконец, сращивание государственного аппарата, чиновничества с преступными элементами в сфере государственного управления и экономики — такие базовые признаки коррупции, или коррупционного поведения, дают в совокупности многочисленные современные определения этого явления.

Нынешнее состояние России, помимо прочего, характеризуется высоким уровнем коррумпированности власти — констатация этого безотрадного факта стала настолько общим местом, что не требует специальных доказательств. Наличие коррупции как угрозы существования самого государства, как фактора, лишаящего

---

¹ Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е — начало 60-х годов). М., 1999. С. 136.

² Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. М., 2001. С. 124.

³ Территориально-экономическое управление в России XVIII — начала XX в.: Уральское горное управление / Отв. ред. И.В. Побережников. М., 2008.

⁴ Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI—XX века... С. 319—357.

⁵ Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892—1914 гг.). Самара: Оренбург, 2007.

общество перспективы развития, признано в современной России на самом высшем уровне. Осознание проблемы, как обычно бывает в таких ситуациях, предельно актуализирует историческое знание, вызывает потребность ретроспективного анализа, изучения «истории болезни».

Обращаясь к историческому опыту в поисках примеров корыстного и незаконного использования служебного положения, у многих, наверное, возникнет в памяти картина С. В. Иванова «В приказе Московских времен». Мимо длинного стола, заваленного бумагами, под алчными взорами подьячих, в дальнюю горницу, где в глубине сидит напыщенный и неприступный судья со своим «товарищем», тянется скорбная вереница просителей с подношениями: завернутым в узелки харчем — калачами, гусями и прочим. Часть этих приношений уже легла на подъяческий стол, но основной принос предназначен для начальства. Кормление — очевидное и раннее проявление коррупции... Но так ли это?

Уходя корнями в глубину времен, кормление в системе социально-политических отношений средневековья не несло в себе ничего криминального. Оно было вполне легально и с точки зрения существовавших юридических представлений, и с точки зрения морали, и означало делегированное верховной властью право сбора определенного дохода с населения той или иной территории в пользу представителей общественной элиты. Реализуя это право, знать одновременно осуществляла функции управления территориями, собирая подати и отправляя правосудие. Право на содержание от управляемого населения распространялось не только на знать, но и на ее агентов, которые непосредственно исполняли административно-властные функции: на тиунов, недельщиков, доводчиков, приставов и проч. Разумеется, размер кормов зависел от иерархического положения лица в социальной и управленческой системе.

В то же время само право на получение кормов проводило его обладателей на произвольное установление нормы собираемых подношений и частоты этих сборов. Верховная власть, вероятно, долгое время не регламентировала эти вопросы, а нормирование кормовых сборов, скорее всего, регулировалось региональной практикой, традицией, а также аппетитами и возможностями принуждения, которыми обладали кормленщики. Последние, очевидно, были склонны злоупотреблять своим правом кормления, прибегая к вымогательству с населения больших кормов, чем оно было способно или склонно им давать. Свидетельством широкой практики таких злоупотреблений могут служить попытки верховной власти установить юридическую регламентацию кормлений, определить механизмы их взимания и ограничить число лиц, имевших право кормления; на это указывает актовъный материал конца XV—XVI вв.: уставные грамоты наместничьего управления и жалованные иммунитетные грамоты¹. Замечу, однако, что эти нормативно предписанные ограничения не ставили под сомнение законность кормлений как таковых, запрещая лишь злоупотреблять ими, иными словами, формировали первоначальные представления о незаконном использовании служебного положения в целях личного обогащения. Одновременно русское средневековое право выделяло еще один механизм подобного незаконного получения дохода должностными лицами: взимание т. н. посулов в ходе отправления правосудия. Если кормовые подношения можно охарактеризовать как систематизированные почести — материальное выражение «уважения» властному лицу населением, то посул означал откровенную взятку — подкуп должностного лица с целью вынесения им неправомочного решения в пользу взяткодателя. Первый запрет на получение посулов судьями появляется, как известно, в общерусском законодательстве с принятием Судебника 1497 года². Таким образом, полагаю, что запреты на получение сверхнормативных кормов и посулов от судов, а также попытки ограничить круг должностных лиц, получающих корма, явились первым в отечественной истории случаем разграничения законного и незаконного использования служебного положения в целях личного обогащения. Примечательно, что подобная юридическая регламентация проявила себя в период оформления публично-правовых государственных институтов, отделения их от частно-сеньориальных, т. е. на начальной фазе формирования рациональных принципов управления. Характерно, что следующая и уже более системная попытка ликвидировать практику кормлений вообще, заменив ее выдачей наместникам жалованья за исполнение служебных обязанностей, приходится на середину XVI века. При всей разноплановости реформ, происходивших в этот период, важно подчеркнуть, что они были направлены, говоря современным языком, на модернизацию системы государственного управления, ее рационализацию и бюрократизацию (складывание,

¹ Как известно, первый опыт регламентации кормов содержат древнейшие из дошедших до нас уставных грамот: Двинская и Белоозерская; см.: Двинская уставная грамота. Ст. 12; Белоозерская уставная грамота. Ст. 4 // Российское законодательство X—XX вв. В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Отв. ред. А. Д. Горский. М., 1985. С. 182, 193. Нормы жалованных грамот против «ездокков» и «незванных гостей», запрещавших мелким кормленщикам «обедать там, где ночевали, и ночевать там, где обедали», см. напр.: Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 120, 124, 272—273, а также любые сборники опубликованных актовъных материалов конца XV—XVII вв.

² Запрет на взимание посулов судьями и дьяками приказов декларировала ст. 1; относительно членов наместничьего суда эта норма повторялась в ст. 38. Судебники XV—XVI веков // Законодательные памятники Русского централизованного государства XV—XVII веков / Под общ. ред. академика Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952. С. 19, 24.

по определению Н. Ф. Демидовой, приказной бюрократии)¹, отражали начальную стадию перехода России от средневековья к новому времени.

В нашей историографии упорно держится мнение, что в результате «деяния по отмене кормлений», последние действительно были отменены. При этом забывается, что еще А.А. Зимин, специально исследовавший историю замены кормлений кормленным откупом, заметил, что это преобразование как минимум не было доведено до конца и не имело общерусского распространения². Более того, как убедительно доказали специальные исследования Е.Н. Швейковской и Г.П. Енина, кормления не только не исчезли после реформ середины XVI века, но продолжали развиваться в последующем, достигнув в XVII веке предельной полноты, структурной стройности и системной завершенности. Воеводское кормление, обладавшее устойчивой структурой (корма на «приезд» («въезжее») и «отъезд», праздничные и повседневные корма), кругом адресатов кормления и источниками кормов (крестьянские и посадские общины и нередко — корпорации служилых людей разных категорий), благополучно перекечевало и в следующее, XVIII, столетие, существуя и в эпоху петровских реформ, и в дальнейшем. Несмотря на то что воеводы и сотрудники их аппарата получали, в отличие от наместников, должностные оклады как представители служилых людей «по отечеству», их право на кормления не подвергалось сомнению ни со стороны высшей власти, ни со стороны населения. Как и столетием ранее, речь шла лишь о недопустимости и незаконности вымогательств с населения «излишних» кормов. Между тем источники показывают, что представления о незаконном обогащении через злоупотребления должностью оставались чаще всего не более чем благопожеланием, в то время как практика взимания кормов в XVII—XVIII вв. становилась все более изощренной и масштабной³. Рост численности административного аппарата в центре и на местах с одной стороны, и неспособность государства обеспечить достаточное материальное вознаграждение управленческого труда через жалованье — с другой, приводили к непоследовательной государственной политике в сфере регулирования материального содержания госаппарата. «Излишние отягощения» тяглов и низших категорий служилых людей посредством кормовых сборов, «кормления от дел» — взимание частных вознаграждений с населения за исполнение прямых должностных обязанностей приказным контингентом, взятки-«посулы» с участников судебных процессов стимулировались затяжными периодами социальной нестабильности (Смута и последующие годы восстановления государственности, политический кризис 1680-х гг., наконец, время царствования Петра I).

Масштабы должностных злоупотреблений приобрели угрожающие размеры и стали особенно остро ощущаться в годы Северной войны, когда бремя частных поборов чиновников с населения стало, вероятно, приходиться в противоречие с фискальными интересами казны. Воеводское кормление, подразумевавшее взимание кормов не только в адрес воевод, но и широкого круга приказных, дворни, клиентов и родственников воевод, дополнилось в петровское царствование кормлениями, которые устраивали себе по аналогии с воеводским (с дозволения властей или явочным порядком) любые должностные лица местного аппарата⁴. В каких-то случаях тяглые общины вынуждено обеспечивали мелких управленцев кормами более или менее «добровольно» (лучше сказать — безконфликтно), но чаще всего — вследствие откровенного физического насилия со стороны администраторов и приказных². Вероятно, в это же время приобретает особую масштабность еще

¹ Зимин А. А. «Приговор» 1555–56 гг. и ликвидация системы кормлений в Русском государстве // История СССР. 1958. № 1. С. 181–182.

² Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М., 1997; Енин Г.П. Воеводское кормление в России в XVII веке (содержание населением уезда государственного органа власти). СПб., 2000.

³ Совершенно чудовищные по количеству и методам сборов кормления существовали, например, в Севске в 1695–1699 гг., что вызвало упорное и длительное противостояние воевод и населения, хотя этот пример, естественно, не единичный. См.: Енин Г.П. Указ. соч. С. 136–141. Разнообразную практику взимания «почетного» и кормов представителями центрального аппарата в XVII в. описал и проанализировал П.В. Седов: Седов П.В. Подношения в московских приказах XVII века // Отечественная история. 1996. № 1. С. 139–150.

⁴ Правом на самостоятельное взимание кормов пользовались приказчики уральских слобод и острогов и капитаны расквартированных там драгунских рот: РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2074. Л. 12 об.; Ф. 1113. Оп. 1. Д. 28. Л. 710; ПСИ. Т. 1. Док. № 71. С. 292, 296. Приказная мелкота и даже солдаты и драгуны-посыльные регулярно получали корма с населения конкретных слобод Верхотурского уезда (вероятно, по аналогии с воеводой, которого «кормила» всеуездная община): Архив СПбИИ РАН. Ф. 187. Оп. 2. Д. 139, 143. Широко практиковали организацию кормов в свою пользу подьячие южных уездов России. Хотя, по мнению А.В. Жуковской, подьячие были исключены из числа адресатов воеводского кормления (Жуковская А.В. «Животы и промыслы» подьячих на рубеже XVII – XVIII вв. (по материалам Севска) // Уральский исторический вестник. 2011. № 3 (32). С. 56), они, тем не менее, успешно вымогали разнообразные подношения и без официального разрешения властей. См.: Жуковская А.В. Указ. соч. С. 57–58; Енин Г.П. Указ. соч. С. 137.

² Такие примеры можно приводить бесконечно. Откровенный грабеж населения местными администраторами и приказными был характерен для всех районов страны; его обыденность подтверждают материалы северо-западных, центральных, южно-русских и урало-сибирских уездов. См.: Енин Г.П. Указ. соч. С. 179–183; Редин Д.А. Должностная преступность в петровской России: отношение современников // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сб. ст. памяти акад. Л.В. Черепнина / Отв. ред. акад. В.А. Янин, В.Д. Назаров. М., 2010. С. 844–845. Оригинальным способом

один признак коррупционного поведения: подкуп, продажность должностных лиц. Помимо посулов в рамках судебной практики он стал проявляться в центральном и высшем аппарате в связи с приобретением выгодных подрядов на поставки провианта и амуниции в действующую армию, распределением недвижимости и др. крупными делами¹. Но при этом подкуп практиковался и в провинции, где был связан с распределением откупов, контрабандной торговлей, приобретением управленческих (в первую очередь — воеводских и равно-ранговых с ними) должностей и т. п.

Разбухшая и запутанная система государственных налогов, хаотично создаваемая Петром I, постоянно нуждавшимся в покрытии беспрецедентных военных расходов, вступила в своего рода конкуренцию с фактически параллельной системой чиновничьего вымогательства, усиленной казнокрадством. Кормленная практика и связанные с ней формы частного вознаграждения должностных лиц, вполне гармонично встроены в систему отношений традиционного (средневекового) общества, пришли в острое противоречие с принципами рационального государственного управления, внедряемыми монархом-реформатором, с новыми реалиями государственных потребностей и приобрели зловещий характер для последних. Прекрасно осознавая это, Петр охарактеризовал такое положение дел как опасность «веще измены, ибо, о измене уедав, остерегутца, а от сей не всякий остережется»² и решительно взялся за искоренение всех видов использования служебного положения в целях личного обогащения. В результате ряда системно взаимосвязанных указов, принятых в 1713–1722 гг., все виды поборов с частных лиц, включая особо упомянутые кормления «от дел», были отнесены к уголовно наказуемым деяниям. В контексте настоящей статьи принципиально важно подчеркнуть, что с формально-юридической точки зрения эта законодательная работа может быть оценена как первая попытка определения коррупционного поведения, осознания его опасности для развития государства и одновременно как первый опыт его решительного пресечения. В рамках разработки и внедрения законодательных норм по противодействию властным полномочиями складывается специальная терминология, обозначающая то явление, которое сегодня именуется коррупцией: повреждение государственных интересов. Знакомство с содержанием законодательных актов петровской эпохи показывает, что верховная власть не сразу смогла уяснить для себя объект правового регулирования. В преамбуле именного указа от 25 августа 1713 года, устанавливавшего унифицированный порядок сбора налогов по четвертям года, сообщалось, в частности, что во время сбора податей «преступники и повредители интересов государственных» нередко грабят народ, пользуясь своей властью и руководствуясь корыстными побуждениями. При этом уточнялось, что речь идет конкретно о злоупотреблениях при раздаче государственных подрядов (распределение их следовало делать «без всяких лукавых вымыслов и беспосульно»), о вымогательстве «взятков и посулов» за отсрочку платежей и о взимании кормов. Все эти преступления напрямую связаны с использованием должностного положения в целях личного обогащения, они наносят непосредственный ущерб интересам казны, а потому, итожил указ, виновные в их совершении достойны смерти и полной конфискации имущества. В то же время взимание взяток в «челобитчиковых делах и всякие в народе обиды... которые не касаются интересов государственных и всего народа», т. е. служебные злоупотребления частного характера, возникающие главным образом в рамках судебно-административной, а не административно-податной практики, законодатель относил к т. н. «партикулярным» прегрешениям, также признаваемым незаконными, но караемыми более мягкими санкциями³. Однако уже в именном указе от 24 декабря 1714 года противопоставления между государственным и «партикулярным» преступлением не делалось. Формулируя понятие преступного вообще («все, что вред и убыток государству приключить может, суть преступление»), монарх подводил под деяния, приносящие «вред и убыток государству», не только взимание «казенных посулов», но и все виды поборов с частных лиц («...дабы не дерзали никаких посулов казенных и с народа собираемых денег брать, торгом, подрядом и прочими вымыслы...»), включая особо упомянутые кормления «от дел». Заявляя о «умножении многих лихоимств», Петр отмечал, что виновные в них зачастую отговаривались тем, что прежде «сие не заказано было» (явно имея ввиду кормленческую практику); в пресечение подобных оправданий этот и последующие аналогичные указы давались на ознакомление приказным под роспись, что стало обязательной процедурой и для впервые вступающих в должность. Всем чинам, «которые у дел приставлены», уличенным в нарушении установленных норм, грозили конфискация имущества, шельмование или смерть. В указе от 25 января 1715 года «похищение казны» (под это понятие легко подпадала большая часть коррупционных действий, очерченных предшествующим законодательством) было введено в круг государственных преступлений («слово и дело»). Примечательно, что,

получения незаконного дохода местными чиновниками была практика сбора денег под видом взимания государственных налогов. См.: Жуковская А.В. Указ. соч. С. 58; Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху Петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. С. 550, 553.

¹ См., напр.: Серов Д.О. Высшие администраторы под судом Петра I. Из истории уголовной юстиции России первой четверти XVIII в. // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. Сер. Гуманитарные науки. Вып. 10. С. 47–63.

² Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. С. 132.

³ ПСЗ. Т. 5. № 2707.

возводя похищение государственного интереса в ранг тяжчайших преступлений, монарх попытался установить твердые служебные оклады должностным лицам местного госаппарата (первый раз именованным указом от 28 января 1715 года, позднее — именными указами от 11 января 1722 года и от 12 декабря 1724 года) ¹.

В 1717—1721 гг. еще пять указов уточнили характер противозаконных действий должностных лиц (отнеся к ним в том числе волокиту в решении судебных дел и неправедный суд) и несколько раз подтвердили особое значение преследования «хищников» — взяточников и казнокрадов, конечное решение судьбы которых подлежало высочайшей воле ². Наконец, появление 17 апреля 1722 года указа «О хранении прав гражданских», риторикой и текстуальными совпадениями воскресавшего в памяти указ «О воспрещении взяток и посулов» 24 декабря 1714 года, знаменовало определенное подведение итогов создания «антикоррупционного» законодательства. Как гласил текст самого указа, этим законодательным актом «яко печатью все уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не дерзал иным образом всякие дела вершить и располагать не против регламентов...» ³.

Из всего сказанного можно заключить, что коррупция, а равно и борьба с ней, есть явления нововременного, рационального государства. Средневековое (доиндустриальное) общество, работающее по модели «минимальной социальной ячейки, в которой происходит биологическое воспроизводство общественного индивида» ⁴, по определению не может продуцировать коррупционное поведение представителей властных элит. Только формирование профессиональной касты управленцев-бюрократов, не являющихся непосредственными адресатами собираемых материальных богатств, но имеющих возможность манипулировать ими, создает коррупционную среду. В российском случае это по-настоящему проявилось впервые в эпоху Петровских реформ, в то время, когда власть взялась за глобальное и подчеркнуто декларированное конструирование *l'état moderne*. Именно в это время формируется и коррупция, и осознание верховной властью ее опасности, и законодательные попытки ее пресечения.

Тем не менее известно и другое: при всей бескомпромиссности петровского антикоррупционного законодательства оно имело слабый практический эффект. Объясняя причины неэффективности борьбы с коррупцией, историки, как правило (и вообще-то справедливо), указывают на два обстоятельства: с одной стороны, царь, как и его предшественники, не смог обеспечить надлежащий уровень легального материального обеспечения чиновничества, а с другой стороны, не сумел сделать наказание за коррупционные преступления всеобщим и неотвратимым. Последнее обуславливалось острым дефицитом управленческих кадров. При тотальном взяточничестве и казнокрадстве власть была вынуждена закрывать глаза на львиную долю «преступлений по должности» и применять закон избирательно, лишь в тех случаях, когда сталкивалась с совершенно вопиющими фактами его попрания. Не отрицая в целом справедливость этих объяснений, вынужден отметить их явную недостаточность. Как показывает исторический опыт (и не только отечественный), высокое служебное жалование само по себе не является панацеей от коррупции, равно как и последовательные и самые жестокие наказания нечистых на руку чиновников сами по себе тоже не способны ее уничтожить. Наряду с материальными мотивациями и юридической регламентацией отношения индивидуумов в обществе, в том числе и современном (индустриальном и постиндустриальном), обуславливаются иррационально-психологическими, подсознательными поведенческими стереотипами, совокупность которых образует феномен, известный в политической антропологии под названием традиционной политической культуры. Глубоко архаичные, восходящие к первобытной социальности, эти стереотипы никогда полностью не исчезают из общественной жизни, насколько модернизированной она ни становится, то уходя глубоко в тень, то вновь становясь актуальными и определяющими. Русская традиционная политическая культура, которую антропологи характеризуют «как культуру эмоционально-иррационального типа» ⁵ и в применении к текущей действительности, в петровское время была, несомненно, сильнее тех рациональных начал, которые стремился привнести в жизнь форсированными методами царь-реформатор. Традиционным мышлением, а точнее — традиционным бессознательным — были проникнуты жизнь и поступки не только патриархального, по преимуществу аграрного, большинства населения, но и вполне европеизированных представителей столичной

¹ Там же. № 2879; Т. 6. № 3876; Т. 7. № 4613.

² Там же. Т. 5. № 3081, 3298; Т. 6. № 3515, 3601, 3756.

³ ПСЗ. Т. 6. № 3970.

⁴ Бочаров В.В. Иррациональность и власть в политической культуре России // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. В 2 т. / Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 2. Политическая культура и политические процессы. СПб., 2007. С. 216.

⁵ Бочаров В.В. Указ. соч. С. 216.

элиты, и самого монарха. В этой системе традиционной политической культуры ключевое место занимало представление о власти царя как отца народа (удивительно совпавшее по форме с образами и риторикой эпохи Просвещения), а среди представлений об «отцовской» власти царя — представление о его благотворительной распределительно-«кормящей» функции¹.

Рассматривая практику кормлений через призму традиционной политической культуры, возможно лучше понять причины живучести и кормлений как таковых, и тщетность рациональных методов борьбы с должностными злоупотреблениями в традиционном обществе, предпринимаемой Петром Великим. Материальная сторона кормления и близких к нему форм частных вознаграждений должностных лиц являлась наиболее зримой, но не единственной сущностной характеристикой этого явления. Другой важной ипостасью кормления было его символическое значение: оно маркировало принадлежность к власти, являлось социальным кодом его обладателей, было *материально воплощенным символом власти*². Не случайно, что к концу XVII столетия и в период петровского царствования, когда число управленцев в целом заметно возросло по сравнению с предшествующим временем, любое мало-мальски облеченное полномочиями лицо тут же заявляло свои права на получение кормов. Полагаю, что претензия на получение «почести», «честного подношения» мотивировалась ими царским «отеческим пожалованием» должности, традиционно сопряженной с «кормом». Надо заметить, что более высокопоставленные чиновники нередко были вынуждены осаживать своих подчиненных в их излишнем стремлении в получении кормов: в этом тоже проявлялось традиционное отношение к социальной иерархии, построенной по архаическому, семейно-родственному образцу (младший в семье не может получать больше старшего или в чем-то первенствовать перед ним). В то же время новое законодательство, определившее все поборы с населения как преступное, озадачило чиновников и привело к своеобразной «сшибке» в их сознании.

Так, в частности, В.Н. Татищев, всю жизнь прослуживший на различных должностях в местном коронном аппарате, человек вполне европеизированный и по образованию, и по стилю жизни, предпринял интересную попытку рационально обосновать иррациональную в своей основе практику «честных подношений» и «кормлений от дел», отнеся их к т. н. «мздоиманию». Мздоимание как таковое признавалось им вполне морально оправданным, сакрально санкционированным («служащий алтарю от алтаря питается») и даже полезным, поскольку якобы материально стимулировало заинтересованность чиновников в исполнении их обязанностей, в том числе сверхурочно. Вместе с тем он противопоставлял мздоимание лихоиманию (злоиманию), под которым понимал корыстное действие, приводимое к нарушению закона и влекущее за собой прямой вред государственным делам³. В таком же духе рассуждали и члены Верховного Тайного совета. В частности, А.Д. Меншиков, рассуждавший о допустимости и законности «акциденций» — частных вознаграждений чиновникам за исполнение ими прямых должностных обязанностей. Как известно, в 1726 году «кормления от дел» были вновь легализованы для канцелярского контингента с одновременным отказом от выплаты им окладного жалованья. Т. о., средневековое представление о кормлениях и связанных с ними формах обогащения за счет населения как явлению легальном было частично реабилитировано и на законодательном уровне. Что касается самих «кормящих», то и они, как и в средние века, не видели в подношениях чиновникам ничего противоестественного, если требования последних не выходили за некие установленные обычаями нормы и не сопровождалась открытым насилием. Страх («священный трепет») перед носителем власти, восходящий все к тем же традиционным представлениям материализованного проявления уважения перед старшим, служил достаточным основанием для психологически непротиворечивого обоснования удовлетворения корыстных запросов чиновничества.

Если мое предположение верно и коррупция является порождением рациональной политической культуры, то борьба с ней должна вестись в первую очередь в рамках рационального. Успех борьбы с коррупцией — в создании современных типов социальных отношений, вытесняющих архаические стереотипы на периферию общественного сознания.

¹ Всесторонне этот феномен исследован в монографии Т.С. Кондратьевой. См. русск. изд.: Кондратьева Т. Кормить и править. О власти в России XVI—XX вв. М., 2006.

² Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала. С. 554.

³ Татищев В.Н. Духовная // Татищев В.Н. Избранные произведения / Отв. ред. Н.Е. Носов. Л., 1979. С. 143.